

В. Ф. Миллер

Экспурсы в область русского народного эпоса

I-VIII

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Ф. Миллер**
Экспурсы в область русского народного эпоса: I-VIII / В. Ф. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2014. – 316 с.

ISBN 978-5-4241-9399-6

Экспурсы в область русского народного эпоса.

ISBN 978-5-4241-9399-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Названіе „Экскурсы“, подъ которымъ я выпускаю свои изслѣдованія въ области русскаго народнаго эпоса, не указываетъ на характеръ работы, но имѣетъ отношеніе только къ моимъ личнымъ научнымъ занятіямъ, которыя лишь по-временамъ направляются въ эту область, хотя самый методъ работы—сравнительно-историческій—мнѣ постоянно приходится употреблять въ другихъ смежныхъ областяхъ—языкознаніи и сравнительной этнографіи.

Не имѣя возможности, при занятіяхъ другими предметами, сосредоточиваться безъ перерывовъ на спеціальному изученіи русскаго эпоса, я однако постоянно слѣдилъ за чужими работами въ этой области и вмѣстѣ съ тѣмъ при случаѣ отмѣчалъ все тѣ матеріалы для сравненій, которые мнѣ встрѣчались въ литературѣ народныхъ сказаній и могли, на мой взглядъ, быть утилизированы при разработкѣ исторіи нашихъ былинныхъ сюжетовъ. Такимъ образомъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія у меня накопилось немало отдѣльныхъ замѣтокъ и какъ-то сами собою сложились тѣ взгляды на русскій былевой эпосъ и на его главнаго богатыря, которые я развиваю въ „Экскурсахъ“. Не скрою, что на эти взгляды оказало особенное вліяніе изученіе народной словесности Ирана и Кавказа, къ которымъ уже давно направлены мои научныя симпатіи. Поэтому, чтобъ дать читателю возможность подойти къ нашему эпосу съ той стороны, съ которой я самъ подошелъ къ нему, я счелъ нелишнимъ, въ видѣ приложенія къ „Экскурсамъ“, помѣстить двѣ мои работы по кавказскимъ народнымъ сказаніямъ, напечатанныя раньше въ „Этнографическомъ

Обозрѣніи“. Быть можетъ, если чигатель посмотритъ на нашъ эпосъ подъ этимъ угломъ зрѣнія, моя гипотеза представится ему болѣе доказательной и убѣдительною, если вообще можно говорить объ убѣдительности въ такой области, которая до сихъ поръ полна вопросительныхъ знаковъ. Но именно эти знаки придаютъ ей необычайную заманчивость....

Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары: въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки и наконецъ въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился непритворливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византійская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, то деревянная крестьянская клѣтъ, а въ тайникахъ онъ въ изумленіи находитъ цѣлый складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли греческой, и щалица боевая въ 90 пудъ, и восточный куякъ, и гусли яворчатыя, и трубки нѣмецкія и т. п. Какое необозримое поле для изслѣдованій представляетъ эта удивительная постройка! Когда она была открыта, цѣлое поколѣніе изслѣдователей еще бродило подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія: оно было поразительно. Мысль невольно окрылялась, хотѣлось скорѣй найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы обнять все зданіе однимъ взоромъ, сразу понять его планъ, уяснить его происхожденіе. Это поколѣніе старалось отгадать идею строителей, не пускаясь пока въ слишкомъ пристальное изученіе частностей, и, какъ всегда бываетъ при началѣ разработки новаго матеріала, объясненія были слишкомъ поверхностны,

широки и вмѣстѣ односторонни. Наиболее прочнымъ въ работахъ перваго поколѣнія осталось указаніе тѣхъ слѣдовъ исторіи, которые доселѣ сохранились въ нашемъ былевомъ эпосѣ, хотя и здѣсь встрѣчались увлеченія. Нашему поколѣнію предстояло приступить къ изученію деталей и въ этомъ направленіи уже кое-что сдѣлано. Но нельзя думать, что главная работа уже окончена: она только что начата, и еще не одно поколѣніе будетъ работать надъ тѣми же вопросами, на которые наше старается дать посильный отвѣтъ. Впрочемъ, при томъ интересѣ, который не изсякаетъ къ изслѣдованію русскаго эпоса, этого драгоценнѣйшаго народнаго достоянія, можно надѣяться, что уже ближайшему поколѣнію изслѣдователей удастся уяснить многое изъ того, что для насъ представляется загадочнымъ.

Прибавлю въ заключеніе, что если мнѣ лично удалось сдѣлать нѣсколько вѣрныхъ шаговъ въ этомъ замысловатомъ лабиринтѣ, я считаю мою долю въ общую работу внесенной, и если бы эта доля оказалась и незначительной, я все же буду доволенъ, что предпринялъ свои экскурсы, потому что самый процессъ работы надъ интереснѣйшимъ матеріаломъ доставлялъ мнѣ высочайшее наслажденіе.

Вс. М.

О г л а в л е н і е .

Экскурсъ I. *Князь Владиміръ и Евпраксія.* Стр. 1—32.

Несоотвѣтствіе эпического князя Владиміра лѣтописному. Черты лѣтописнаго Владиміра. Идеализація его въ лѣтописи. Нравственный обликъ былевого кн. Владиміра: его трусливость, малодушіе, неблагодарность, деспотизмъ и проч. Гипотеза о вліяніи типа сказочнаго царя на былевой типъ кн. Владиміра. Черты сходства между Владиміромъ и персидскимъ царемъ Кейкаусомъ. Отношенія Кейкауса къ Рустему и кн. Владиміра къ Ильѣ Муромцу. Женитьба Кейкауса и Владиміра. Сходство между Евпраксіей и царицей Судабѣ. Перенесеніе на былевого Владиміра роли Батгя. Волшебное зеркало Владиміра и чаша-зеркало Кейкауса.

Экскурсъ II. *Добрыня-змѣборецъ.* Стр. 32—55.

Аналогія между Добрыней-змѣборцемъ, Егоріемъ и Θεодоромъ Тирономъ. Вопросъ объ основаніяхъ къ прикрѣпленію сюжета змѣборства къ Добрынѣ. Змѣборство, какъ фантастическая оболочка исторической борьбы. Значеніе змѣя въ сказаніяхъ о святыхъ. Лѣтописныя черты историческаго Добрыни, дяди Владиміра. Популярность Добрыни и Путяти. Отголоски историческихъ фактовъ въ былинахъ о Добрынѣ. Обстановка змѣборства: купаніе, Пучай, колпакъ земли греческой, освобожденіе Запавы Путятичны или Марфиды Всеславны. Служба былевого Добрыни князю Владиміру. Примѣры фантастической окраски историческихъ событій. Смѣна печенѣжскаго великана змѣемъ. Объясненіе змѣборства Добрыни. Другіе сказочные сюжеты, прикрѣпленные къ его имени.

Экскурсъ III. *Илья и Рустемъ.* Стр. 55—85.

Значеніе Рустема въ персидскомъ эпосѣ. Параллельная характеристика Рустема и Ильи: сила и приемы въ бою, любовь къ бражничеству, спокойная увѣренность въ силѣ, нестяжательность, великодушіе, преклонный возрастъ, отношенія къ младшимъ богатырямъ, отношенія къ властителю. Сходство иранскаго и русскаго богатыря въ нѣкоторыхъ чертахъ типа. Методологическія замѣчанія о сопоставленіи бы-

листныхъ деталей: мотивъ „маханія татаринѣмъ“. Сходство въ этомъ приѣмѣ между Ильей и Рустемѣмъ. Калингъ-царь и персидскій Калунъ. Иранскія сказанія въ обработкѣ Фирдоуси. Параллель между Рустемѣмъ и Исфендіарѣмъ. Семь „заставъ“ Рустема и Исфендіара. Ауладъ и Кергсаръ. Столкновеніе Рустема съ Исфендіарѣмъ.

Экскурсъ IV. Поѣздки Ильи Муромца. Стр. 85—117.

Сопоставленіе первой поѣздки Ильи въ Кіевъ съ поѣздкой Рустема въ Мазендеранъ и Исфендіара въ Мѣдный замокъ. Заставы на кратчайшемъ пути. Препятствія природы: горы и воды. Соловей-разбойникъ, какъ птица, и персидскій Смургъ. Соловей-разбойникъ, какъ богатырь и помощникъ Ильи. Взглядъ акад. Ягича на типъ Соловья-разбойника. Мнѣніе акад. Буслаева. Сходство Соловья-разбойника съ Ауладомъ и Кергсаромъ. Попытка объясненія мозаичности типа Соловья-разбойника. Стрѣляніе въ глазъ Соловью и иранская параллель. Встрѣча Ильи съ коварной дѣвицей и Рустема съ колдуньей. Сходство коварной дѣвицы съ дочерью Соловья-разбойника. Сидѣніе Ильи въ погребѣ и Исфендіара въ темницѣ. „Подкопы“ въ былинахъ объ Ильѣ и въ сказаніи о Рустемѣ.

Экскурсъ V. Бой отца съ сыномъ. Стр. 117—152.

Содержаніе этого сказанія въ изложеніи Фирдоуси. I. Происхожденіе богатырскаго сына. II. Похожденія сына до встрѣчи съ отцемъ. III. Бой Сохраба съ Рустемѣмъ. Былинныя параллели: I. Происхожденіе сына. II. Выѣздъ сына на поиски отца. III. Обстоятельства, предшествующія бою отца съ сыномъ. IV. Бой отца съ сыномъ. Взглядъ акад. Веселовскаго на былинныя редакціи сказанія и германскія параллели. Основная схема былинныхъ пересказовъ. Кавказскія параллели. Кельтскій пересказъ сюжета о боѣ отца съ сыномъ. Эстонскій и киргизскій пересказы того же сюжета. Черты детальнаго сходства между русскимъ пересказомъ и иранскимъ.

Экскурсъ VI. Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ. Стр. 152—172.

Изложениіе ея содержанія по редакціи списка Ундольскаго. Основа сказки—два эпизода Рустеміады. Вставки I-я и II-я и ихъ кавказская параллель. Похожденіе Еруслана съ прекрасными царевнами и параллельныя черты въ Рустеміадѣ и былинахъ объ Ильѣ. Сторожъ Ивашко и Соловей-разбойникъ. Змѣеборство Еруслана и Ильи въ сказкахъ. Бой Еруслана съ сыномъ. Два популярнѣйшіе эпизода Рустеміады за предѣлами Ирана и ихъ отголоски въ былинахъ объ Ильѣ и въ сказкѣ о Ерусланѣ. Финская сказка объ Ильѣ. Тюркская передѣлка иранскихъ эпическихъ сюжетовъ.

Экскурсъ VII. *Къ исторіи типа Ильи Муромца.* Стр. 172—192.

Выводы изъ предшествующихъ экскурсовъ. Вопросы, связанные съ типомъ Ильи Муромца. Время его возникновенія. *Iljas von Riuzen* и *Iljas Jarl af Greka*. Слѣды древнѣйшаго типа Ильи и его непростонароднаго происхожденія. Прозвище Муромецъ и попытка къ его объясненію. Связь Ильи съ Черниговщиной. Гипотеза о древнѣйшемъ прикрѣпленіи Ильи къ Моровску и Карачеву. Параллель между мѣстными преданіями карачаевскимъ и карачевскимъ. Вопросъ объ имени Ильи. Имя *Игъи* на востокѣ. Хазарскій *Иліасъ*. Илья Муромецъ—неисторическая личность. Связь Ильи со Святогоромъ. Процессы историзаціи и поэтизаціи въ народной эпикѣ. Переходъ исторической пѣсни въ былинку. Историзація Ильи, народнаго идеала. Илья—духовный центръ богатырскаго эпоса.

Экскурсъ VIII. *Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ.* Стр. 199—232.

Историческія столкновенія южно-русскихъ племенъ съ кочевниками. Подчиненіе хазарамъ. Отношеніе Руси къ печенѣгамъ и половцамъ. Борьба сѣверянскаго населенія съ половцами. Судьбы Переяславскаго княжества. Отрывки переяславскихъ богатырскихъ сказаній. Богатырь Демьянъ Куденевицъ. Судьбы Черниговскаго княжества. Отношенія черниговскихъ князей къ половцамъ. Слѣды половецкаго періода въ русскомъ эпосѣ.—Половецкая культура. Вліяніе мусульманской (персидско-арабской) культуры на половецъ по даннымъ языка. Половецкія слова въ Словѣ о Полку Игоревѣ.—Главное содержаніе южно-русскаго эпоса—борьба со степью. Время образованія Владимірова цикла. Характеристика древнѣйшаго періода русскаго эпоса. Тюркское вліяніе въ эпосѣ во всемъ, относящемся къ коню. Названіе и типъ *богатыря*. Отсутствіе богатырей въ новгородскомъ эпосѣ. Гипотеза о посредствѣ половецъ во внесеніи нѣкоторыхъ сюжетовъ Рустеміады въ русскій эпосъ. Названіе Ильи „старый казакъ“. Время сложенія типа *казака*. Заключение.

Приложеніе.

I. *Кавказско-русскія параллели* стр. 1—36.

Сѣверо-кавказскій нартскій эпосъ. Нартскія сказанья кабардинцевъ, осетинъ, горскихъ татаръ и чеченцевъ. Главные мотивы сѣверо-кавказскаго эпоса. Параллель Святогора съ кавказскими великанами. Святогоръ и Илья. Женитьба Святогора и параллельная кавказская сказка. Сумочка пере-

метная. Илья и исполинскій костьякъ. Илья и Идолице. Баба Горынычка. Сходство Ильи съ Урызмагомъ. Насранжаке. Сказаніе о смерти Батраза и Ильи. Добрыня и Урызмэгъ. Добрыня въ отъѣздѣ и Ашикъ Керибъ. Побывальщина о Данилѣ безчастномъ и ея кавказскія параллели. Потыкъ Михайловичъ, кабардинскій Сосруко и чеченскій Орзми. Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и осетинская параллель. Роль степныхъ кочевниковъ въ распространеніи сказаній. Историческія отношенія Кавказа и Руси. Вліяніе тюрковъ на сѣверномъ Кавказѣ.

II. *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ*, стр. 37—69.

Распространенность иранскихъ эпическихъ сказаній въ Арменіи въ V-омъ вѣкѣ. Отношенія Закавказья къ Ирану при Ахеменидахъ, Аршакидахъ и Сасанидахъ. Борьба Христіанства съ религіей Заратуштры. Иранскія божества въ Грузіи. Вліяніе Персіи на Иберію и Албанію. Популярность персидскихъ героевъ Рустема и Бежана на Кавказѣ. Сванетское сказаніе о Ростомѣ и отношеніе его къ персидскому у Фирдоуси. Пшавское сказаніе о Ростомѣ. Вліяніе на него сказанія о Дареджанахъ. Имеретинское сказаніе о Ростомѣ. Осетинское сказаніе о немъ же. Персидское сказаніе о Биженѣ и Менижѣ у Фирдоуси и отголоски его въ сказаніяхъ сванетскомъ и осетинскомъ. Осетинская сказка о Ростомѣ и Безанѣ. Курдская сказка съ отголосками Рустеміады. Отдѣльные мотивы Рустеміады въ кавказскихъ сказкахъ. Періодъ собранія народныхъ сказаній въ Иранѣ при Сасанидахъ. Сводъ Давидшвера. Книга царей. Дѣятельность Фирдоуси. Богатство эпическихъ сказаній Ирана. Вліяніе ихъ на грузинскую литературу.

I.

Князь Владиміръ и Еспансія.

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго эпоса,—вопросъ объ отношеніи былеваго князя Владиміра къ историческому. Вообще господствуетъ убѣжденіе, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ кн. Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженныя въ теченіе вѣковъ позднѣйшими историческими наслоеніями. «Какъ преобладающее въ былинахъ положеніе Владиміра,—говоритъ О. Миллеръ,—есть положеніе *стольнаго князя кievскаго*, такъ и преобладающее его качество—*ласковость, отеческая доброжелательность*. Но, съ одной стороны, сквозь этотъ нравъ проглядываетъ, съ другой—къ нему примыкаетъ, или, наконецъ, поверхъ его выдается нравъ совершенно иного рода»¹⁾. Отмѣчая несимпатичныя черты характера былеваго Владиміра, изслѣдователь пытается объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ грубости Владиміра онъ склоненъ видѣть черты, оставшіяся за княземъ отъ другого порядка вещей, отъ временъ отдаленнѣйшихъ, то—есть «поры грубѣйшаго кроваваго деспотизма». Изрѣдка встрѣчающіяся черты жорыстолюбія О. Миллеръ признаетъ проявленіемъ германской дружинности во Владимірѣ. Деспотизмъ объясняется тѣмъ, что «на то же лицо налегъ во многихъ былинахъ позднѣйшій государственный деспотизмъ въ духѣ Ивана Грознаго». Наконецъ, отмѣчая постоянную праздность былеваго Владиміра, О. Миллеръ упоминаетъ мнѣніе Добролюбова, находившаго во Владимірѣ черты византійской государственной важности. Но послѣднему толкованію, по мнѣнію изслѣдователя, противорѣчитъ *простота* отношеній между княземъ и богатыремъ. «Если же и другія толкованія болѣе или менѣе односторонни, то,—спрашиваетъ авторъ,—не окажется ли хоть тутъ

¹⁾ *Илья Муромецъ и богатырство кievское*, стр. 329.

совершенно сподручнымъ стасовское ученіе о заимствованіяхъ съ востока? Не оказывается ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть эта вѣчная праздность нашего Владиміра списанною съ какихъ-нибудь восточныхъ властителей? Увы, что касается, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ намъ тюркскихъ сказаній, то и въ нихъ такъ называемые *ханы*-родоначальники оказываются несравненно дѣятельнѣе нашего Владиміра: они воюють, они охотятся и добычею кормятъ народъ; нашъ же князь ничего никогда не дѣлаетъ. Послѣ всего этого, отказываясь *при настоящемъ положеніи науки*, отъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, мнѣ остается только повторить слова, сказанныя мною про Владиміра былевого въ другомъ мѣстѣ: «не въ немъ настоящая сила Руси, а въ нихъ, людяхъ всякаго рода, такъ сказать, въ *выборныхъ модахъ* земли русской; онъ же только даетъ широкій просторъ ихъ богатырскимъ силамъ» ¹⁾).

Итакъ, изслѣдователь отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ объясненію существенной черты личности Владиміра, черты тѣмъ болѣе любопытной, что она находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ чертами лѣтописнаго князя Владиміра. Дѣйствительно, если мы припомнимъ изображеніе Владиміра въ лѣтописи, его энергію, предприимчивость, политическую мудрость, образъ его жизни до и послѣ крещенія, то естественно возникаетъ вопросъ, почему историческій Владиміръ представляетъ въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру? Сдѣлавъ попытку къ объясненію нѣкоторыхъ непривлекательныхъ свойствъ Владиміра, О. Миллеръ, повидимому, самъ сознаетъ, что историческими національными наслоеніями нельзя объяснить главной и существенной черты этого былевого типа. Къ вліянію восточныхъ сказаній покойный изслѣдователь вообще относился несочувственно, и потому, только ради очистки совѣсти заглянувъ въ ближайшія къ намъ тюркскія сказанія, немедленно возвращается изъ этой экскурсіи съ убѣжденіемъ, что и личности тюркскихъ хановъ не могутъ послужить къ объясненію праздности Владиміра. Не относясь съ такимъ предубѣжденіемъ къ теоріи вліянія Востока на нѣкоторые типы нашего эпоса, мы попытаемся снова заглянуть въ область восточныхъ сказаній, руководясь тѣмъ соображеніемъ, съ которымъ, вѣроятно, согласны всѣ изслѣдователи, что никакими національно-историческими наслоеніями нельзя, въ концѣ-концовъ, объяснить тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыми, совершенно незаслуженно, народная поэзія искажила личность энергичнаго и мудраго русскаго князя.

Сначала спросимъ себя, какія черты историческаго Владиміра могли бы дать матеріалъ для эпическаго воспроизведенія, могли бы отложиться въ народной памяти?

Хотя норманскіе предшественники Владиміра, набирая въ свои дружины разныя русскія племена и вода ихъ на завоеванія отдѣльныхъ областей

¹⁾ Наз. соч., стр. 330. См. также замѣчанія Л. Н. Майкова о праздности князя Владиміра. *Былины Владим. цикла*, стр. 96.